

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В похлебке у Стефана плавала пара кружков побитой жизнью моркови, рыба чешуя, ветка петрушки и глаз какого-то животного — а больше ничего, кажется, и не плавало. Живот крутило от голода, так что он все равно зачерпнул немного... Что ж, зато соли не пожалели.

— Эй!

Стефан заколотил по решетке. В ответ послышался страдальческий вздох, потом неторопливые шаги. Пришел другой стражник, не тот, который бросил его сюда пару часов назад, — и хорошо, а то на запястьях аж синяки от его пальцев остались. Может, этот подобрее окажется? Выглядит, правда, усталым, ну так Стефан как раз его разговорами развлечет.

— Чего тебе?

— Человек, который принес мне это, — Стефан указал на миску с похлебкой, — ошибся. Я не в обиде — в конце концов, у вас очень сложная работа. Но прошу вас все-таки принести мне еду, а не помой.

Стражник основательно почесал сначала лоб, потом затылок. Внимательно изучил свои пальцы и без особого интереса переспросил:

— Чего?

— Покушать, — сменил тактику Стефан. — Я, дяденька, с утра ничего не ел.

Ведь совсем недавно такое срабатывало! Но за осень Стефан вытянулся на целую голову и в плечах тоже раздался, так что выглядел теперь на свои четырнадцать с половиной. А может быть, даже на все пятнадцать.

— Похлебку жри, — подтвердил его опасения стражник.

— Да она ж пересолена! Вот, попробуй сам, хочешь?

Стражник потянулся почесаться еще раз, но одернул себя. Брезгливо сморщил нос.

— Ну нет, я такое не жру.

— Так я тоже! — обрадовался Стефан. — Потому что это не еда.

Взгляд стражника просветлел.

— Так ты нормальной жратвы, что ли, хочешь?

— Да!

— А ты не воруй, — разулыбался стражник, — и будешь дома у мамки нормальную еду трескать. Сечешь? Перевоспитание называется.

— Я приютский, — вздохнул Стефан.

— Тогда не будешь.

И потопал дальше по коридору, мыслитель эдакий. Ладно, еще что-нибудь придумаем, не привыкать. Когда Стефан впервые сбежал из приюта года три назад, хозяйка, госпожа Тимея, сама за ним явилась и забрала прямо из камеры. А уже в приюте, конечно, оттаскала за уши так, что они стали как две сливы, но это все равно было лучше розог. Которыми его, кстати, отходили в прошлом году. Зато Стефану тогда удалось буквально зубами раскрыть оковы на руках. Кусочек зуба, правда, откололся, но ему даже шло. Может, и сейчас попробовать?

Стефан повертел в руке ложку и на пробу сунул ее в отверстие для ключа на оковах. Вошел только самый кончик. Пошевелил им туда-сюда — безрезультатно. Еще несколько

раз — ничего. Может, конечно, замок от такого все равно сломается. Все же постоянно жалуются, мол, сейчас всё хлипкое делают, не на века...

Стефан пробовал, пока не заболели пальцы, потому что взрослые люди не сдаются. А еще за ним теперь вряд ли придут из приюта — четырнадцатилетних воришек, в отличие от одиннадцатилеток, никто брать на перевоспитание уже не жаждет. Госпожа Тимея сказала бы: «А нечего было убежать», — и была бы, конечно, права.

В приют Стефан, впрочем, и не хотел. Только вот в тюрьму хотелось еще меньше. Тогда Стефану не следовало воровать — но ведь он всего-то стащил каравай хлеба да пару яблок на рынке. Он ведь не виноват, что никто не хочет брать на работу грязного пацана со злодейским отколотым зубом.

Интересно, за мелкую кражу его на полгода упекут или сразу на год? И если бы в каталажке хоть кормили нормально... В общем, одни расстройства.

Стефан рухнул на лавку и попытался уснуть. Может, ночью придет стражник поговорчивее. Или же Стефан за несколько часов станет старше и мудрее и что-нибудь придумает. Или, например, в тюрьме начнется пожар, тогда двери камер отпрут. Или Стефана наконец-то найдет дед или тетушка, о существовании которых он не подозревал, а они не теряли надежды и всё искали его, взявшись за руки, продираясь через вьюгу...

Стефана разбудили тихие голоса.

— ...лет четырнадцати-пятнадцати, высокий, очень короткие волосы, — неспешно объяснял мягкий мужской баритон. — Мне говорили, его задержали сегодня.

— А нужно тебе чего? — спрашивал уже знакомый Стефану сообразительный стражник.

- Для начала поговорить.
- О чем?
- А это уже будет между нами.
- Этот, что ли?

Они остановились напротив камеры Стефана. Незнакомец, который откуда-то знал, как Стефан выглядит, протянул стражнику монету, после чего тот отпер дверь и впустил его внутрь.

Это был приятный мужчина лет тридцати пяти, темноглазый, с аккуратной бородкой и щеками, похожими на две теплые булочки (есть Стефану хотелось ужасно). Одет он был просто, но аккуратно. Пожалуй, чересчур аккуратно: даже сапоги грязью забрызганы выразительно, что ли. Художественно. Стефан встал, сравнившись с гостем в росте, и принялся его рассматривать, пока в коридоре удалялись шаги стражника. Незнакомец, в свою очередь, молча разглядывал Стефана.

Шаги стихли. В углу камеры мелькнула мышь. Все это начинало напоминать приютскую игру «скажешь слово — ты корова», так что Стефан на всякий случай продолжил молчать.

Незнакомец, видимо, тоже вспомнил эту игру — улыбнулся ему одними глазами.

- Добрый вечер, — заговорил он. Слабак.
- И вам того же.
- Как тебя зовут?
- Да вы, наверное, и так знаете, раз описывали меня этому умнику.
- Не знаю. Мне просто рассказали, что на рынке сегодня поймали воришку — тебя.
- А вас как зовут?
- Дитер.

— Меня Стефан.

Мужчина кивнул.

— Какие у тебя планы на жизнь, Стефан?

Стефан задумался. Почесал затылок, напомним самому себе сообразительного стражника. Ему хотелось не попасть в тюрьму. Потом — найти работу или еду. Еще — чтобы его не били розгами, а лучше вообще не били. А еще — увидеть живую лису, потому что в приюте висела картина с нарисованной, очень красивая. И научиться ездить на лошади, а потом скакать верхом далеко-далеко, до самого заката. Девчонку поцеловать тоже было бы здорово.

— Пожрать бы, — осторожно начал Стефан.

Гость тут же извлек из сумки грушу и протянул ему.

— Спасибо, — улыбнулся Стефан и наудачу добавил: — Еще денег бы.

Мужчина рассмеялся, но за золотом не потянулся. Эх. Но попытаться все равно стоило, верно?

— А ты за словом в карман не полезешь. Научиться какому-нибудь ремеслу не думал?

— Конюхом? — предположил Стефан. — Или плотником можно.

— А нравится-то тебе что?

— Приключения.

Мужчина почему-то улыбнулся.

— Чем-чем, а приключениями я тебя могу обеспечить. Если пойдешь ко мне в ученики. И кормить, конечно, буду, не волнуйся.

— А вы кто такой-то?

— Я темный маг.

Стефан аж поперхнулся своей грушей. Может, выплюнуть все и два пальца в рот сунуть? Госпожа Тимея не раз повторяла, что бесплатными в мире бывают только болезни

да тумакі, а хорoшымі вeщамі нікто разбрасываться не станeт.

А eщe oнa гoвoрila: вiдишь тeмнoгo мaгa — cразу в пeрeулoк кaкoй-нibудь cвoрaчивай, лiшь бi нa глaзa eмy нe пoпaдaтьcя. Тeмный мaг cильнee упыря, кoвapнee py-салки и нacтырнee caмoгo ушлoгo тoргoвцa. Так чтo, раз уж нeзнaкoмeц тaкoй прoжжeнный, c гpyшeй мoжнo рac-слабитьcя. Захoчeт пoгубить Стeфaнa — пoгубит, нiктo eмy нe пoмeшaeт. Мoжнo хoтя бi вкyснoгo пoecть нaпo-слeдoк.

— У вac eсть eщe гpyшa? — дeлoвитo cпpocил Стeфaн.

Нeзнaкoмeц кивнул, прoтянул eмy втopyю. Пахла гpyшa здoрoвo, тpaвoй и мeдoм — лyчшe, чeм лyбoыe фpyкты нa рынкe. Зaмaнивaeт eгo, ишь.

— Зaчeм я вaм? — в лoб cпpocил Стeфaн, нe прeкpaщaя жeвaть. — Кpoвyшки мoлoдoй хoтитe нaпитьcя?

Мужчина нeвoзмyтимo пoкaчaл гoлoвoй.

— Ты c упырем пepeпyтaл.

— В нyтpo мoe зaлeзть? Длa зeлий вaших мepзких?

— Ты дeйствитeльнo дyмaeшь, чтo в этoм слyчae я бi стaл cпpашивaть твoгo рaзрeшeния?

— Нeт, — пpизнaл Стeфaн. — Нa дyрaкa вы нe пoхoжи. Еcли, кoнeчнo, cтpaннoгo пpизнaния нe cчитaть. А зaчeм вaм yчeник?

Мужчина внимaтeльнo пocмoтpeл нa Стeфaнa, чyть нa-клонив гoлoвy. Как бyдтo caм тoлькo cейчac oб этoм зaдy-мaлcя — или пpикидывaeт, кaк лyчшe cовpaть, чтoбы Стe-фaн пoвepил.

— Двa yчeникa y мeня yжe eсть, — нeмнoгo нeвпoпaд oтвeтил oн.

— А тpeтий нyжeн, чтoбы чиcлo пoлyчилocь кpacивoe, чтo ли?

Мужчина улыбнулся.

— Можно и так сказать.

— А из тюрьмы вы меня выкупите?

— Разумеется.

— Тогда я согласен.

Согласен Стефан, конечно, не был, но не упускать же такой шанс.

Своих родителей Стефан не помнил, но госпожа Тимея любила повторять, что они оба сгнили в тюрьме. Она, правда, такое много про чьих родителей рассказывала — а у кого родители в тюрьме не сгнили, тех упыри сожрали, или волки, или телега задавила. Стефан все равно верил про тюрьму — это было приятнее, чем вовсе не иметь родителей. Но гнить в тюрьме он при этом не собирался.

Пока его новый знакомый переговаривался с подошедшим стражником, Стефан притворялся задумчивым и медлительным. Потом так же медленно он шел по коридору. Но, стоило тяжелой, обитой металлом двери с грохотом закрыться за его спиной, Стефан рванул вниз по улице, потом нырнул в какую-то подворотню. Темный маг за ним не побежал. И кричать вслед тоже ничего не стал.

Стефан выскочил во двор, свернул на какую-то улочку и пошел уже не спеша, успокаивая дыхание. Кажется, вышел сухим из воды. И даже груши умять успел.

Было уже довольно темно и ощутимо подмораживало, так что Стефан решил пойти к единственному теплomu месту, которым любой мог насладиться бесплатно.

Горячий ключ бил уже за городом, и прямо над ним добрые люди выстроили мост, так что ты вроде как не просто сидишь на бережку, а под крышей. Кругом — пар, теплый, так что руки-ноги не мерзнут, даже если заснешь.

Сегодня у ключа под мостом было немногочленно — выпивала пара мужиков лет сорока, по виду бездомных, да рыбачила женщина с кривым шрамом через всю щеку. Стефан опустил руки в теплую воду и сделал несколько глотков. В приюте говорили, что такую воду пить нельзя: там, мол, прозрачные угри живут, скользнут к тебе в живот и давай размножаться, пока сам прозрачным не станешь. Это звучало правдоподобно, конечно, но Стефану слишком уж хотелось тепленького.

Напившись, Стефан присел, облокотившись на свод моста. Бездомные без интереса проследили за ним глазами, потом отвернулись. Они передавали друг другу пузатую бутылку с чем-то мутным. Потом поставили ее на снег и затянули старинную песню о светлячке, который ищет озеро, чтобы посмотреться и узнать, достаточно ли ярко он светит. Озера он не нашел, но увидел, как его свет отражается в глазах устроившегося на поляне олененка. В приюте смеялись: упырь этот олененок, что ли, чего ему ночью-то не спится? И Стефан тогда тоже гоготал со всеми, но сейчас на небе мигали звезды, а в том, как мужчины подхватывали друг за другом мелодию, было что-то волшебное.

Женщина со шрамом отошла от воды и принялась собирать ветки. Переглянувшись, мужики встали помочь ей, и Стефан — тоже.

— Наловила чего-нибудь? — спросил он.

— А как же! Смотри, угорьки какие, — женщина кивнула на лежащую на снегу связку, которую Стефан сначала не приметил, потому что угри и впрямь были прозрачными, как стекло.

— А они разве не это... не размножаются внутри у тебя? — с опаской спросил он.

— Сейчас поджарим — и пусть только попробуют, — подмигнула женщина.

Вчетвером они споро насобирали веток для большого костра и спустя полчаса уже подставляли под языки пламени угрей, длинных, неестественно прозрачных даже жареными. И похрустывали они на зубах потом, как стеклышки, но солоноватые и пряные.

— Мне нечем заплатить, — спохватился Стефан.

— Нам тоже, — кивнули мужики.

Они рассмеялись, все четверо. Не потому, что кто-то смешно пошутил, а просто им было тепло и вкусно. Новый друг протянул Стефану бутыль, но тот лишь покачал головой и быстро передал ее дальше, женщине.

— Правильно, — кивнула та. — Ты еще молодой, спить-ся всегда успеешь.

— Вообще что угодно успею, если захочу, — тихо сказал Стефан и понял, что это правда. — А вы знаете песню про волчьи похороны? Споем?

Он пил только теплую воду из источника, но все равно веки вскоре стали тяжелыми-тяжелыми. Костер успел превратиться в тлеющие угли, а чернота неба сожрала все звезды. Стефан подполз поближе к своду моста, чтобы оказаться как будто в доме, и закрыл глаза.

Но спать все равно было боязно, как будто вот-вот подкрадется какой-нибудь зверь и сожрет. Часть Стефана старалась нырнуть в сон, но другая, тревожная часть каждый раз выталкивала его обратно в полудрему. Он морщился, пытался уснуть покрепче, но все не получалось и не получалось.

Вдруг темный маг найдет его здесь, перекинется в волка, выследит и прискачет, чтобы утащить в свое логово? То есть в мельницу — у каждого темного мага мельница

есть, и мелет она кости тех, кого ученики мага поймают за ночь — когда зайцев да косуль, а когда и зазевавшихся путников или приютских мальчишек. А утром маг из той муки хлеб печет и отправляет учеников его продавать на рынок. Поешь такого хлеба — окажешься у колдуна в услужении, и сможет он тебе что захочет приказать, никак не ослушаешься. Потому темных магов и запретить никак не могут: в Совете все давно таким хлебушком угостились и теперь словечка поперек магов не скажут...

Совсем рядом что-то зашуршало. Стефан дернулся, распахнул глаза. У потухшего костра мужчина из компании, с которой они вместе ужинали, обыскивал своего храпящего собутыльника. Сунув себе в карман найденную монетку, он, тихо крикнув, принялся стаскивать с товарища сапоги. Скинул свои прохудившиеся, натянул украденные и, довольнo улыбаясь, начал снимать с женщины шаль.

— Эй, — просипел Стефан. Прочистив горло, повторил громче: — Эй! Мы же вместе про волка пели!

Мужчина угрожающе двинулся на Стефана, но поздно: его товарищ и женщина проснулись, набросились на вооришку. Из кучи-малы раздавались ругательства. Где-то вдалеке заухала сова. Стефан отполз подальше от дерущихся, вскочил на ноги и побежал, сам не зная куда.

Вокруг все уже серело, и на душе у него тоже было серым-серо. Того и гляди слезы закапают, как у ребенка. В городе начинали вопить первые петухи, мычали коровы. Кто-то шаркал метелкой по снегу. В отдалении от аккуратных рядов маленьких домиков черной птицей вертелась мельница.

А что он, в конце концов, теряет? Как будто кто угодно не может его косточки на муку перемолоть — и так ли для этого нужно быть темным магом?